

Болгарские страницы жизни Весны Парун: биография в письмах и документах

В развитии болгарско-хорватских литературных связей немалую роль сыграла поэтесса В. Парун (1922–2010), оказавшая значительное влияние на болгарскую литературу 1960–70-х гг. Уже в ее ранних сборниках, опубликованных в конце 1940-х гг., критика обнаруживает черты, схожие с межвоенной лирикой хорватских импрессионистов, и провозглашает поэзию Парун «декадентской даже не за тематику (были стихи и созвучные дню), а за ее художественное воплощение, личностное отношение (по тогдашним критериям субъективистское), чувственно-импрессионистскую образность, импульсивность выражения (тогда — формализм), откровенность любовной лирики»¹. Г.Я. Ильина полагает, что «значение лирики Парун прежде всего в том, что ее поэзия стала первым прорывом молодых поэтов к себе, к собственному “я”, к утверждению права поэзии на субъективное восприятие разных сторон бытия. За Парун последовали другие»², причем не только хорваты. Неслучайно, хорватский писатель С. Новак называет первый сборник Парун «Зори и вихри» (1947) «озарением» по его влиянию на «культуру того глухого времени»³.

Особенности стиля, стихосложения, субъективность восприятия мира, метафоричность языка, свободная ассоциативность поэзии Парун, по признанию болгарской писательницы и поэтессы Б. Димитровой, отразились и на развитии болгарской литературы. Парун «пишет искренне, непринужденно и свободно. Она начала приезжать в Софию в 60-е гг., когда наша поэзия была еще

очень закрепощенной. Ее творчество помогло нам почувствовать себя увереннее, думать и писать более раскованно»⁴. Болгарский переводчик поэтессы Г. Савов отмечает, что Парун входит в число наиболее популярных хорватских авторов в Болгарии вместе с такими писателями, как М. Крлежа и Д. Угрешич⁵. Подтверждением значимости и актуальности творчества Парун для болгарского (и шире — всего славянского) культурного пространства может служить, в частности, включение ее в антологию «13 звезд на славянском небе» (Варна, 2012), куда также вошли А. Ахматова, М. Цветаева, Д. Габе, Э. Багряна, Г. Бошнакоска, Л. Гениуш, К. Шпур и др.

Парун жила в Болгарии с 1962 по 1967 гг., занималась переводами болгарских поэтов (П. Яворова, Д. Дебелянова, В. Петрова, П. Пенева, Б. Димитровой и многих других) на хорватский язык, способствуя популяризации болгарской культуры в Хорватии. Перу Парун принадлежит и ряд напечатанных в болгарской периодике публицистических и критических произведений, где она пишет о своих наблюдениях за болгарской поэзией и литературой в целом (статьи Парун выходили в газете «Литературен фронт», в журналах «Септември» и «Пламя»). С точки зрения болгарского историка литературы, профессора П. Динекова, «Весна Парун, будучи иностранкой, увидела в болгарской поэзии много верных вещей, говорила о них — и об удачах, и о недостатках. Это был другой взгляд на болгарскую литературную действительность, иное интеллектуальное видение»⁶. В 1964 г. в софийском издательстве «Народна култура» вышел поэтический сборник Парун «Избранная лирика», в работе над которым приняли участие видные болгарские авторы и друзья поэтессы (Р. Ралин, Б. Димитрова, В. Чаушев, И. Пауновски, В. Петкова, Д. Пантелеев, В. Атанасова, С. Владимирова, И. Коларов и др.). В него не вошел цикл «Ветер Фракии» (1964), посвященный Болгарии, который так до сих пор не переведен и не опубликован.

Жизни хорватской поэтессы в Болгарии посвящена работа директора Национального литературного музея К. Зо-

графовой⁷ «Болгарская одиссея Весны Парун» («Българската одисея на Весна Парун», 2016). Свою книгу автор характеризует как «драматичную хронику 60-х гг. XX в., раскрытую через личную историю хорватской поэтессы и болгарского актера Вели Чаушева»⁸. Целью исследовательницы, по ее словам, было «правдиво, внимательно и с документальной страстью “литературного детектива” проследить романтическое бегство Весны в Болгарию, которая пленила ее в те годы как “остров свободы”» (16). Архивно-документальной основой книги выступили личная корреспонденция Парун, ее эссе и путевые очерки. В июле 2015 г. Чаушев передал Зографовой имевшиеся у него письма и открытки: это была «связка прекрасных любовных писем и почтовых открыток, хранившихся полвека как самая дорогая реликвия» (там же). Лейтмотивом личной переписки Парун 1963 г. с Чаушевым (именно под ее влиянием актер сам обращается к литературному творчеству) становится любовь; в своих письмах поэтесса также подробно пишет о том, как переводит болгарскую поэзию, как создает свою, с какими хорватскими и болгарскими писателями и актерами встречается и работает вместе, делится с адресатом своими планами на будущее и актуальными на тот момент творческими исканиями.

Отличительной особенностью корреспонденции Парун является ее двуязычная природа: многие письма начинаются на хорватском языке, а потом продолжают на болгарском, некоторые же написаны по-болгарски с использованием хорватизмов. Такие вкрапления другого славянского языка в болгарскую канву, по наблюдениям Зографовой, высвечивают «индивидуальный колорит» (17) стиля поэтессы. Все письма Парун отличает искренность, эмоциональность, мелодичная и ритмическая организованность речи. Обратимся к некоторым примерам:

1. «Този град е загубил за мене всеки *цвет* [Здесь и далее курсив мой. — Н.Л.] и всеки *смисел*. Даже черешите тук не са вече череша, а само *чърви* и семки. [...] За какво ми е такъв град, който е съгласен да го напусна? Добре,

ще го напусна още веднаж и пак още веднаж» (18). («Этот город утратил для меня и цвет, и смысл. Даже черешни здесь больше не черешни, а лишь черви и косточки. [...]. Зачем мне город, согласный, чтобы я его покинула? Хорошо, я покину его снова и снова»);

2. «[...] аз искам *големо* или нищо. Може би съм луда. Но щастието е като *смрт*» (22). («я хочу все или ничего. Может, я сумасшедшая. Но счастье подобно смерти»);
3. «За мен тук няма нищо хубаво. *Volim te* и целувам те. *Tvoja Vesna*» (31). (Для меня здесь нет ничего хорошего. Люблю тебя и целую. Твоя Весна»);
4. «Идва зима, пустота, безсъние, мъка. Трябваше да отпътувам за Италия, или още по-далеч веднага щом пристигнах тук, докато още не се затъжих за теб. А сега как да тръгна в посока, която може би ще ме отчужди съвсем от теб? Аз още те обичам. Още има малко нежност на дното ми (а може би и много?) ...» (27). («Приходит зима, пустота, бессонница, мука. Мне следовало бы уехать в Италию или лучше куда-нибудь подальше и сделать это сразу по прибытии сюда, пока я еще не начала тосковать по тебе. А сейчас как мне уехать в те края, которые, быть может, отдалят тебя от меня насовсем? Я еще люблю тебя. В глубине души еще живет немного (а может быть, и много?) нежности...»).

Вот еще отрывок из ее письма: «...аз ти изпратих веднага картичка с фонтан [...]. И онзи камък [“Става дума за морска раковина”. Прим. К.З.] из Варна, самотен и пуст като аз, или като ти, тука е при мен и ме утешава с шумолетенето». («...я сразу же отправила тебе открытку с фонтаном [...]. И тот камешек [“Речь идет о морской раковине”. Прим. К.З.] из Варны, одинокий и пустой, как я или ты, здесь, со мной и утешает меня своим шумом». Образ морской раковины, связанный с мотивом одиночества, есть и в «Песне о старом пиратском корабле», лирическая героиня которого погружена в «одиночество перламутра» (41), благодаря сопоставлению с этим письмом раскрывается гораздо полнее, объемнее.

Образ моря как самой большой, но несбыточной мечты, как счастливой и одновременно несчастной любви, образ, воплощающий безграничную свободу, к которой так стремилась лирическая героиня Парун, встречается в стихотворениях, в ее путевых заметках и неразрывно связан с мотивом одиночества: в морском пространстве поэтесса видит «архитектонику окончательного одиночества» (66). Неоднократно проводя аналогии между атмосферой болгарских и хорватских топосов (так, например, Велико Тырново названо «двойником Дубровника» (56)), описывая очарование болгарской природы, пейзажи которой регулярно встречаются в стихотворениях тех лет, Парун в своем эссе «Море без заката солнца» (1963) пишет о разнице «черного фракийского» (66) и далматинского морей с характерным для нее, по мысли Ильиной, стремлением к «личностному, откровенно-интимному», «чувственно-импрессионистскому»⁹ воплощению образов: «Шумът на далматинското море е сладострастен. Неговата дъхава и сдържана голота живее от непрестанния химн, който пее безутешната душа на залеза на деня. Българското море е море без слънчеви залези! Червеният слънчев диск всяка вечер се търкаля на запад, до прага на някое друго море, за да го приспи всред бориките с вино и мед, и с вопъла на южния вятър» (67). («Шум далматинского моря сладострастен. Его пряная и сдержанная нагота жива бесконечным гимном, что поет безутешная душа заката. Болгарское море — море без заката! Алый солнечный диск каждый вечер движется на запад до границы какого-то другого моря, чтобы убаюкать его среди соснового бора вином, медом и плачем южного ветра»).

В числе особенных творческих удач «болгарского периода» творчества поэтессы Зографова называет небольшую поэму «Когда меня разбудил фракийский ветер», посвященную Чаушеву и его матери, работавшей сборщицей табака и потерявшей из-за сильнейшего никотинового отравления семерых детей: все они в младенчестве погибли из-за яда в материнском молоке, а самого Вели выкормила другая женщина. Парун настолько убедительно воссоздает пейза-

жи родного города Чаушева — Златограда, стилизуя свою печальную, «черную песнь» на народный манер, что, по словам Зографовой, нет абсолютно никаких сомнений в том, что Парун на самом деле побывала там. Однако как Парун ни разу не была в Златограде, так и Чаушев не смог приехать к ней в Загреб, поскольку десятки попыток оформить для него документы на выезд оказались напрасны. Много лет спустя, в 1998 г., Парун пошлет Чаушеву в подарок свой акварельный рисунок и письмо с вопросом «Танцуват ли още розите в теб?» («Розы в тебе еще танцуют?») с намеком на спектакль «Когато розите танцуват» («Когда розы танцуют») Сатирического театра, где работал Чаушев в 1960-е гг. Эти драматичные для поэтессы годы она описывает в своих письмах и эссе, подчеркивая, что Болгария — та страна, где она хотела бы остаться, где столько было пережито, и называет ее «тихой сокровищницей воспоминаний» (там же).

Письма Парун позволяют установить довольно тесную связь между ее собственным мироощущением, миропониманием и особенностями поэтического творчества. Свобода, чувственность, жажда любви, развитое эстетическое чувство воплощаются в разных образах, присутствующих как в переписке с возлюбленным, так и в ее поэзии и путевых заметках, которые вместе с некоторыми фотографиями представлены во второй части книги — «Стихи, эссе и путевые очерки Весны Парун о Болгарии». Переплетение образов и мотивов художественных и публицистических произведений Парун, отсылки к ним в личной корреспонденции высвечивают одну из важных черт наррации поэтессы — склонность к автокомментированию, реализуемую и в выбранном Зографовой материале. Об этой особенности подробно пишет Ильина, исследуя составленную Парун антологию своего творчества «Я, у которой невиннее руки. Асинхронный выбор» («Ja koja imam nevinije ruke. Asinkroni odabir», 2009): к хронологической последовательности ее поэтических сборников поэтесса присоединила «второй поток — “реку жизни”, сплетая эти, отнюдь не тождественные, потоки в их противоречивости, конфликтах и взаимо-

действии. Так возникла комментированная творческая автобиография с вкрапленными в нее прозаическими, автобиографическими и мемуарными отрывками, сносками, заметками и репликами»¹⁰.

Если в письмах Парун основное внимание приковано к развитию ее романтических отношений с Чаушевым, то в публицистических заметках поэтесса описывает свое восприятие современной ей Болгарии, ее исторического опыта, повествование изобилует образами болгарской природы. Пишет Парун и о болгарской поэзии, своих переводах болгарских авторов, проводит параллели между творчеством болгарских, сербских и хорватских поэтов (Х. Ясенова, В. Видрича, В. Петковича-Диса и др.), говорит о предназначении поэта и роли поэзии в целом.

Однако было бы неверно предполагать, что изучение жизни Парун в Болгарии привлекло Зографову только вследствие желания «открыть ее заново» (37), осмыслить особенности творческой манеры хорватской поэтессы. Очевидно, что не последнюю роль в обращении исследовательницы к биографии Парун, к ее болгарскому периоду, сыграл и политический аспект*. Уже в первой части книги «Весна и Вели — история о любви и свободе (Роман в письмах)» автор пытается рассмотреть личную историю Парун именно в контексте политической и историко-культурной обстановки Болгарии в 1960-е гг. «К власти пришли так называемые местные коммунисты, обстановка в стране изменилась, и это ощутимо отразилось и на отношениях власти и интеллигенции. Весь 1962 г. был наполнен драматичными событиями, которые и сегодня заставляют нас называть его как “годом оттепели”, так и “годом обманутой свободы” в “десятилетие реформ”» (7), — пишет Зографова, полагая, что судьба Парун, ее появление в Болгарии в конце периода короткой «оттепели» как нельзя лучше иллюстрируют

* Обвинения в шпионаже заставили поэтессу навсегда покинуть Болгарию в 1967 г. В «Болгарской одиссее...» о самом расследовании этого дела говорится довольно мало, практически не привлекается архивный материал, хотя в современной болгарской прозе non-fiction политические сюжеты пользуются завидной популярностью.

феномен «обманутой свободы». Болгарский литературовед М. Неделчев убежден, что в то время «для разного рода органов, осуществлявших контроль за благонадежностью, разрешенная свобода была возможностью протестировать, до чего способны дойти подозреваемые ими лица, выяснить, преодолеют ли они предварительно намеченные и возможные границы дозволенного»¹¹. Несмотря на то что помимо своей профессиональной, творческой деятельности Парун была лично тесно связана с Болгарией (много болгарских друзей и знакомых, недолгий брак с болгарским актером Любеном Жековым¹²), поэтессе, а затем в 1974 г. и ее переводчика Г. Савова обвинили в шпионаже в пользу Югославии¹³.

Предателями, по утверждению Зографовой, оказались люди из ближайшего окружения Парун — философ Иван Славов, с которым у нее был роман, и поэтесса Ваня Петкова. В качестве одного из доказательств автор приводит письмо Петковой. В нем почти через тридцать лет после случившегося она просит прощения у Парун: болгарские спецслужбы «запугали [Петкову. — Н.Л.] выселением из Софии вместе с родителями, если та выступит на суде в ее защиту» (20).

Зографова (в свойственной ей манере непосредственного обращения к самому читателю) предлагает ответить на следующие вопросы: «Есть ли срок давности у аморальных проступков, когда ты предаешь своих друзей из-за семейно-бытового страха? И почему Радой Ралин не испугался, а выступил свидетелем на суде?» (21). Автор представляет и версию Славова, утверждавшего в беседе с переводчиком Савовым, что именно Весна Парун «была инициатором их романа, мимолетного и случайного, как он тогда думал, на деле же их связь оказалась совсем не такой, какой он себе представлял — у нее [В. П.] было огромное желание “владеть” им, в итоге все это привело к семейному и даже к дипломатическому конфликту и судебному процессу» (15).

На первый взгляд, читателю предстоит самому сформировать свое видение случившегося, т. к. автор старается совместить несколько точек зрения, чтобы составить пол-

ную картину происходящих событий. Однако на практике в манере повествования Зографовой превалирует ярко выраженная субъективность ее суждений: «У меня есть странное ощущение, что речь идет о совсем другом человеке, а не о Весне Парун, чей образ свободной писательницы и свободного человека сложился у меня из документальных свидетельств, представляющих красивую притчу о любви как бунте» (там же). Тем не менее, болгарский историк литературы А. Велкова-Гайдаржиева полагает, что в своих документально-биографических и культурологических этюдах Зографова, как правило, выступает «страстным homo arhivarius», «искусным и объективным “хронистом”»¹⁴. Историк и литератор Г. Гемиджиев характеризует стиль исследовательницы как «полемико-эссеистический». Повествовательную манеру Зографовой, по его мнению, отличает «богатство языка» и, что немаловажно, «личное присутствие автора, прямое выражение чувств, не нарушающее при этом дистанцию, необходимую для объективности документальных фактов»¹⁵.

Зографовой удалось высветить те психологические и биографические черты портрета Парун, которые позволили раскрыть во всей полноте особенности ее поэтического мировосприятия, и сделать это в живой, эмоциональной манере. Для нее характерны восклицательные и вопросительно-восклицательные конструкции, риторические вопросы, прием умолчания: «Я поняла, что книга о Весне Парун и Болгарии тринадцатая по счету в моей библиографии!» (16); «Она еще не осознала очевидного — встреча в Загребе не состоится!» (24); «На VIII съезде БКП была также принята еще одна долгосрочная программа — построения коммунизма до 1980 г...» (9); «По выражению хорватской поэтессы, он [Чаушев] был просто рожден для радости!» (12); «Наверное, из-за своей привязанности к “земному раю” — Болгарии — Жеков не последовал за ней, когда ее выдворили, в Далмацию?» (16).

Интересно, что за последние несколько лет «Болгарская одиссея...» Зографовой стала не единственным исследо-

ванием, посвященным жизни Парун в Болгарии. Так, в 2017 г. вышла статья Л. Миндовой¹⁶ «Поэтесса и государственная безопасность. Весна Парун в Болгарии», в которой автор доказывает факт слежки за хорватской поэтессой и ее болгарскими знакомыми. Благодаря частично сохранившимся и обнародованным архивам КГБ НРБ стали известны кодовые имена болгарских друзей и знакомых В. Парун, находившихся под наблюдением, в частности Р. Ралина (Козел и Злобный), Б. Димитровой (Монахиня), П. Динекова (Тартар).

Присутствие югославской подданной в Болгарии, ее активное участие в культурной жизни страны не могло остаться незамеченным для агентов спецслужб. В произведениях о Болгарии Парун отразились ее жизненный опыт и видение болгарской действительности: в своих дневниках Динеков пишет, что в беседах с ним Парун «рассказывала, как были встречены ее статьи о Болгарии в Загребе. Многие не верили тому, что она говорит о стране, людях, поэзии»¹⁷. Нет сомнений в том, что такой «личный», субъективный взгляд на социалистическую Болгарию, транслируемый за ее пределы, не мог не настораживать соответствующие органы. Со ссылкой на архивы Миндова приходит к следующему выводу: «Для идеологически обремененного сознания инцидент между Иваном Славовым и Весной Парун представляется идеологическим. Несомненно, речь идет не о личностях, имеющих право на частную жизнь, а о членах социального механизма, чьи действия ни в коей мере не относятся только к ним или их семьям, а к государству и Партии. То, что эти двое — граждане разных и при этом враждующих на идеологической почве стран, ставит их, с одной стороны, в еще более затруднительное положение, как граждан, а с другой — лишает их индивидуальности, бесспорно присущей им, превращая обоих без их на то знания или желания в орудие идеологической борьбы»¹⁸. Исследовательница обращается к «Воспоминаниям» («Спомените», 2005) Н. Генчева, в которых Славов представлен не в лучшем свете, ведь он одновременно являлся

и объектом слежки КГБ, и автором доносов на близких и друзей, в том числе и на самого Генчева. Однако Миндова в своем расследовании опирается и на книгу болгарского философа И. Знеполского «Как все меняется. От инцидентов до крупных событий. Истории с философами и историками» («Как се променят нещата. От инциденти до голямо събитие. Истории с философи и историци», 2016), где в главе «Казус Ивана Славова. Между угрозой социальной маргинализации и моральной санкцией группы» («Случаят Иван Славов. Между заплахата от социално маргинализиране и моралната санкция на групата») ученый рассматривает произошедшее со Славовым как часть проводимой партией политики поиска и выявления групп инакомыслящих: «Последняя часть докладной записки раскрывает истинные причины действий, предпринятых против Славова: скандал с Весной Парун был *“раздут” органами*, он был *поводом* вынудить Славова свидетельствовать против своих коллег, чтобы доказать существование “группы ревизионистов” и провести “зачистку” на кафедре философии. В этом ключе следует понимать фрагмент докладной записки, констатирующий, что своим отказом сотрудничать он “создал тяжелую обстановку для работы на кафедре”. То есть не согласившийся давать свидетельские показания Славов, угрожая “партийному единству”, способствовал дальнейшему разобщению сотрудников кафедры. Но в этом же отрывке есть подтверждение драматичной ситуации, в которой оказался сам Славов, пытавшийся лавировать, завоевать доверие комиссии и в то же время не сказать ничего, что могло бы скомпрометировать его коллег»¹⁹. Так, инцидент между Парун и Славовым благодаря усилиям спецслужб довольно быстро перестает иметь только «бытовой» характер и оказывается частью общественно-политического конфликта между сторонниками коммунистического режима и «несогласными»; в результате поэтесса оказывается вынужденной уехать из Болгарии.

Большую роль в изучении биографии Весны Парун играет публикация доносов, сделанных на нее в 1965–1966 гг. (их

тексты приведены в статье Миндовой). В них подчеркивается, что Парун «известна среди деятелей культуры как женщина с низкими моральными качествами», замечена в связях с «морально неустойчивыми писателями»²⁰. В доносе от 4 марта 1966 г. его автор указывает на проблемы Парун с нервной системой, депрессию, истерические припадки, которые «у нее уже долгое время, она не может контролировать себя и свой разум. [...] Она неоднократно делилась со мной своими переживаниями, и все разговоры об этом начинались спокойно, а заканчивались на трагической ноте. Во время своих визитов в Софию [В. П.] уже несколько раз лечила расстроенные нервы. Ее поведение стоит расценивать как поведение нервнобольного человека»²¹. В 1972 г., через несколько лет после возвращения Парун на родину, автор данного доноса предоставляет в органы госбезопасности еще одно «достоверное» свидетельство о некоторых югославских деятелях культуры, среди которых и Весна Парун. В нем снова идет речь о нервной болезни поэтессы, хотя ни один из ее болгарских друзей никогда не упоминал о каких бы то ни было странностях подобного рода, из чего Миндова делает вывод, что автором является либо сам Славов, либо кто-то из его окружения, пытающийся очернить Парун в глазах работников спецслужб: «Единственный, кто публично позволял себе комментировать психическую неуравновешенность поэтессы был сам Славов»²². Однако, несмотря на обширную доказательную базу, работу с архивными источниками и крупными исследованиями, касающимися культурно-исторической жизни Болгарии 1960–1970-х гг., Миндова не раскрывает имени одного из установленных доносчиков, поскольку остальные до сих пор неизвестны. Не желая превращать жертву в палача, она призывает и читателя своего расследования не судить тех людей, которые «даже если бы захотели, уже не смогли исправить содеянное»²³.

«Болгарский период» действительно занимал важное место в жизни Парун, и неслучайно исследователи обращаются к разным аспектам биографии поэтессы того

времени. Говоря об особенностях обоих исследований нельзя не сказать о различных способах подачи материала: повествование Миндовой в эмоциональном отношении более сдержано, она привлекает больше фактов, хотя так же, как и Зографова, не стремится скрыть свое отношение к предмету изображения. Подобные различия связаны и со спецификой материала, который используют авторы в своих работах (личная корреспонденция, включающая любовные письма, и доносы из архивов спецслужб). «Болгарская одиссея Весны Парун» Зографовой, вместившая в себя разнообразные текстовые источники (впервые опубликованные личные письма, очерки, путевые заметки), а также визуальный ряд (фотографии, эскизы и рисунки Парун) позволила реализовать авторский замысел: показать «судьбу в письмах», историю взаимоотношений Парун и Чаушева, выявить особенности творческого метода поэтессы, обратить внимание на то, как пребывание в Болгарии отразилось на мотивах и образах ее поэзии. Отчасти Зографовой удалось осветить и политическую жизнь НРБ, однако гораздо более полно она проанализирована в статье Миндовой, привлекающей к своему исследованию архивный материал, проливающий свет на историко-культурную обстановку Болгарии 1960–1970-х гг. Для болгарской документальной литературы личность знаменитой хорватской поэтессы оказывается интересной в связи с «болгарскими» мотивами в ее творчестве и любовной перепиской с Чаушевым, но главным образом из-за политического контекста, что вписывает работы Зографовой и Миндовой в русло современных тенденций переосмысления социалистической эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильина Г.Я. Хорватская литература XX века. М., 2015. С. 239.

² Там же. С. 240.

³ Novak S. Protimbe. Zagreb, 2003. S. 293.

⁴ Цит. по: Зографова К. Българската одисея на Весна Парун. София, 2016. С. 37.

⁵ Савов Г. Литературни връзки между хървати и българи // URL: http://euro2001.net/index.shtml/issues/3_2001/index.shtml?page=statia&file=issues/2_2007/stat_22.html (дата обращения: 13.12.2017).

- 6 Динеков П. Дневници 1933–1992 // Библиотека, 2013, 6. С. 87.
- 7 Первой книгой К. Зографовой в жанре non-fiction стали «Вечные страницы. О тайнах мифологии в болгарской литературе» («Вечные страницы. Из тайните на митологичното в българската литература», 1996), где анализируются творчество А. Страшимирова, К. Петканова, Н. Райнова, Х. Смирненского и др. Часть работ исследовательницы посвящена судьбе болгарских авторов-женщин, в частности «Многоликая болгарка. Знаменитые женщины от Возрождения до наших дней» («Многоликата българка. Забележителни жени от Възраждането до наши дни», 2006), «Играюща со стихии. Елисавета Багряна» («Играещата със стихии. Елисавета Багряна», 2013). Зографовой принадлежат также книги: «Чавдар Мутафов. Воскрешение Дилетанта» («Чавдар Мутафов. Възкресението на Дилетанта», 2001), «Любовный архив» («Любовен архив», 2007), «Открывая заново Николу Вапцарова (Документална сага)» («Никола Вапцаров: Преоткриване (Документална сага)», 2009), «Знаменитые. Забытые. Запрещенные» («Знаменити. Забравени. Забранени», 2015).
- 8 Зографова К. Българската одисея на Весна Парун. София, 2016. С. 89. В дальнейшем цитируется это же издание, страницы указаны в тексте, перевод цитат сделан автором статьи.
- 9 Ильина Г.Я. Весна Парун // Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 328.
- 10 Ильина Г.Я. Весна Парун. Автобиография в стихах и автокомментариях // Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2013. С. 113.
- 11 Неделчев М. Годината на измамната свобода // 1962. Годината на измамната свобода. София, 2013. С. 98.
- 12 Описывая свою встречу с В. Парун в Загребе в 1999 г., болгарский дипломат и поэт К. Химирски замечает: «1967 г. ознаменовался [для В.П.] недолгим браком с гражданином Болгарии. Но Весна до сих пор носит золотое кольцо, где выгравированы буква «Л» и дата, когда оно было подарено. Больше замуж она не выходила и хранит верность только своей музе» (Химирски К. Жрица на бавните сенки // URL: http://euro2001.net/issues/1_1999/1BR99F7.htm (дата обращения: 15.02.2018)).
- 13 Ганчо Савов (р. 1930) — славист, переводчик; в 1974 г. был приговорен к 18 годам тюремного заключения по сфабрикованному делу о государственной измене и идеологической диверсии. Досрочно освобожден в 1985 г., однако до падения социалистического режима в Болгарии в 1989 г. ему было запрещено работать по специальности. В 1988 г. опубликованы его мемуары «Капкан для несогласных», где отразился его личный опыт взаимоотношений с агентами КГБ, пребывания в старозагорской тюрьме, куда в основном помещали политзаключенных: «Из-за моих открытых и тесных связей с друзьями и близкими мне людьми из тогдашней Югославии, из-за моих поездок туда, спецслужбы начали наблюдать за мной еще в 1948 г., но за отсутствием достаточных на то оснований они не затянули петлю на моей шее. Однажды в августе 1952 г., когда я был связистом Третьего полка в Сливене, так называемый “агент” сливенского подразделения вызвал меня на допрос. Они хотели, чтобы я дал устные и письменные показания о своих связях с Югославией, а тем временем изъяли из моего шкафика книги сербских классиков. Продержали меня до самого утра! За этим ничего не последовало, но после увольнения они еще два-три раза встре-

чались со мной, чтобы проверить мое знание сербского языка. Только в 1965 г., ориентируясь на то, что я редкий специалист в соответствующей внешнеполитической области — республике Югославии, КГБ против моей воли заставил меня сотрудничать с контрразведкой. Но соглашение я не подписал! Ненависть и угрозы со стороны партийной инквизиции со временем усиливались. И независимо от того, в каких списках я фигурирую сейчас, и из-за того, что факты часто не соответствуют действительности, я утверждаю, что презирать и изобличать комитетчиков лучше всего может кто-то вроде меня, который прошел через все ступени их чистилища — от бесконечного и разрушительного нажима до многолетнего тюремного заключения (1974–1985). Как известно, я был осужден на 18 лет после категоричного отказа сотрудничать с органами в 1968 г., вступив с ними в открытую конфронтацию! Все это имеет документальное подтверждение в оперативном досье и материалах возбужденного против меня уголовного дела №54/1974 г.» (Цит. по URL: <http://e-vestnik.bg/25347/gancho-savov-kato-polizatzavornik-se-sblaskah-s-neveroyatni-dramatichni-sadbi/> (дата обращения: 15.02.2018).

- 14 *Велкова-Гайдаржиева А.* Елисавета Багряна: Играещата със стихииите // URL: <http://liternet.bg/publish2/avelkova/zografova-bagriana.htm> (дата обращения: 13.12.2016).
- 15 *Гемиджиев Г.* Катя Зографова и нейното време // URL: <http://liternet.bg/publish26/georgi-gemidzhiev/katja-zografova.htm> (дата обращения: 13.12.2016).
- 16 Людмила Миндова — филолог-югославист, поэт, переводчик. В ее переводах на болгарском языке вышли произведения Д. Угрешич, Д. Киша, А. Дебеляка, М. Гаврана и др.
- 17 *Динеков П.* Дневници 1933–1992. С. 88.
- 18 *Миндова Л.* Поетесата и държавна сигурност. Весна Парун в България // URL: <https://liternet.bg/publish30/ludmila-mindova/vesna-parun.htm> (дата обращения: 05.02.2018).
- 19 *Знеполски И.* Как се променят нещата. От инциденти до голямо събитие. Истории с философи и историци. Т. I. София, 2016. С. 228.
- 20 Цит. по: *Миндова Л.* Поетесата и държавна сигурност. Весна Парун в България.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же.